

V.

ЛИХОРАДКА.

Ч И Т А Н О

въ ученомъ собраніи пѣвчей академіи въ Берлинѣ,

11-го января 1862 года.

5

ЛНХОРДКА.

ОНАТНР

въ распоряженіи нѣмецкаго университета въ Берлинѣ,

11-го января 1863 года.

«... Странная однако вещь эта лихорадка! Вѣдь думаютъ же въ самомъ дѣлѣ, что въ ней соединены вмѣстѣ и леденящій холодъ и жгучій зной: въ то время, какъ руки и ноги наощупь холодны какъ ледъ, вся внутренность пожирается мучительнымъ жаромъ. Какому ощущенію вѣрить — внѣшнему ли, доступному также чувству всякаго посторонняго челоѣка, или внутреннему, которое испытываетъ одинъ только терзаемый больной? Какое названіе правильнѣе — германское ли, ухватившееся за тяжкое начало страданія, или эллинское, дающее намъ понятіе о всемъ теченіи болѣзни.

6*

ими также помощью собственных открытій. Но весьма часто полезныя вещи употребляютъ во зло, выигрышъ зачастую влечетъ къ проигрышамъ. Такъ случилось прежде всего съ часами.

Давно уже шупали и считали пульсъ, знали тоже, что онъ имѣетъ большое значеніе въ лихорадочныхъ болѣзняхъ. Когда въ часахъ приобрѣли такое надежное пособіе, чтобы опредѣлять навѣрное число пульсовыхъ ударовъ въ известную единицу времени и съ достовѣрностью сравнить между собою прежнія и позднѣйшія опредѣленія пульса, то, мало по малу, исчезла мысль, что лихорадка находится въ отношеніи, главнымъ и существеннымъ образомъ, къ теплотѣ тѣла. Многіе довольствовались тѣмъ, что брали больного за руку, вынимали съ важнымъ видомъ часы и шупали пульсъ. Для нихъ лихорадка была однозначуща съ увеличеніемъ числа пульсовыхъ ударовъ, а какъ всякое біеніе пульса соотвѣтствуетъ сокращенію сердца, то ничего не могло быть естественнѣе, какъ заключить, что лихорадка, главнымъ образомъ, заключается въ сердцѣ и сосудахъ. Около двухъ вѣковъ минуло, прежде чѣмъ къ часамъ могли присоединить термометръ, прежде чѣмъ научились, кромѣ времени, измѣрять еще и теплоту. Но едва термометръ превращенъ былъ въ ручной инструментъ, благодаря именно усиліямъ нашего соотечественника Фаренгейта изъ Данцига, какъ врачи сей-часъ же прибѣгли къ этому прибору для изученія температуры тѣла. Нѣмецкой наукѣ, по преимуществу, принадлежитъ заслуга, что такимъ образомъ собраны были, наконецъ, надежныя факты, которые приблизили вопросъ о лихорадкѣ къ его разрѣшенію. Мы знаемъ теперь, что тѣло горитъ во время лихорадочнаго возноса, и что только поверхность испытываетъ то охлажденіе, которое можетъ обмануть самого больного и еще болѣе — его окружающихъ.

Такъ, нашъ вѣкъ снова возвысилъ до научной истины одну изъ тѣхъ темныхъ догадокъ, которую уловило счастливое и безпристрастное природосозерцаніе ранней греческой учености. Когда Гиппократъ собиралъ въ косскомъ храмѣ заветныя преданія Аскленіадовъ, за пять столѣтій до нашего лѣтосчисленія, то онъ уже нашелъ ученіе о знойной природѣ лихорадки, облеченное, конечно, въ нѣсколько догматическую и символическую оболочку, но все же на-столько ясное, что на него могли опираться практическіе приемы врача, его прохлаждающія, успокаивающія предписанія. Какое торжество для праотца медицины, что въ наше время научное изслѣдованіе и простая практическая опытность, съ разныхъ сторонъ и почти одновременно, доказали всю важность его основныхъ положеній! Межъ тѣмъ какъ тепловые (термическіе) процессы лихорадки разъяснены были научно, вполне независимо отъ этого возникло лѣченіе холодною водою, и вскорѣ за-тѣмъ начали примѣнять, съ громаднымъ успѣхомъ, влажный холодъ въ разныхъ горячкахъ и воспаленіяхъ; примѣненіе это, — чистѣйшее и, конечно, также одностороннѣйшее выраженіе противувоспалительнаго (антифлогистическаго) метода, — достигло такихъ размѣровъ, о которыхъ не задолго до того и не думали, не гадали. Безсознательное и находившееся сперва въ рукахъ грубыхъ эмпириковъ, сознательно за-тѣмъ изслѣдованное и примѣненное научно образованными врачами, водолѣченіе (гидротерапія) теперь уже стало необходимою, составною частью практической медицины. Если же мечты тѣхъ энтузіастовъ, которые думали видѣть въ холодной водѣ всемірное средство и поэтому отвергали помимо нея всякую другую цѣлебную силу, въ свою очередь, расплылись какъ вода, то опять, съ другой стороны, сопротивленіе старыхъ врачей новымъ на-столько побѣждено, что

нечего больше опасаться имъ признавать достоинство врачеванія холодною водою. При томъ дѣло касается вѣдь, нѣкоторымъ образомъ, извѣстной доли нашей народной чести, потому что не только эмпирическая, но также значительная часть научной обработки водолѣченія добыта на нѣмецкой почвѣ.

Такъ, стало-быть, противопоставлены теперь въ ясной формулѣ, практически и теоретически, другъ другу жаръ и охлажденіе, или, если хотять выразиться болѣе односторонне, огонь и вода. Я говорю — односторонне, ибо я вовсе не хотѣлъ бы возбудить этимъ выраженіемъ представленіе, что въ лихорадочной теплотѣ освобождается свѣтъ, или что для устраненія ея при всякихъ обстоятельствахъ нужна или полезна вода. Вѣдь въ такомъ случаѣ всего естественнѣе было бы облечь нашу опытность въ мифологическую формулу, или прямо-таки олицетворить ее въ смыслѣ древнихъ. Огонь и вода — Аполлонъ и Нептунъ. Такая опасность угрожаетъ, можетъ быть, ближе, нежели воображаютъ. Уже приверженцы воды оказываютъ нептунову поясу, мокрой перевязкѣ живота, нѣчто въ родѣ идолопоклонническаго почитанія. Тѣмъ больше повода имѣемъ мы воздвѣгать наши взоры на Аполлона, лучезарнаго бога солнца, потому что онъ въ классической древности считался вѣдь виновникомъ недуговъ, въ-особенности лихорадочныхъ¹; авось можно отрыть слѣды его и въ наше еще время.

Всякій знаетъ прекрасное мѣсто въ началѣ Иліады, когда Фебъ-Аполлонъ, разгнѣванный оскорбленіемъ, нанесеннымъ его жрецу Агамемнону, хватаетъ лукъ и колчанъ, чтобъ наказать грековъ, собравшихся въ пловучемъ лагерѣ судовъ подъ

¹ F. G. Welcker, «Zu den Alterthümern der Heilkunde bei den Griechen». Bonn. 1850. S. 33.

Троей. Онъ приближается ночи подобный. Онъ садится не далеко отъ судовъ и мечетъ свои стрѣлы. Страшно раздается звукъ серебрянаго лука. Костры мертвыхъ пылаютъ безъ перерыва. Девять дней свирѣпствуетъ тяжкій моръ. Только въ десятый, по приношеніи примирительныхъ жертвъ, укрощается гнѣвный богъ.

И такъ точно снова является онъ, съ своею сестрой Артемидой, въ бѣдственной повѣсти о Ніобѣ и Марпессѣ, онъ, носящій прозвище Аполлона, благодаря гибели, причиняемой имъ смертнымъ. Мы постигаемъ это, такъ сказать, двойственное явленіе бога, того, кто въ одно и то-же время есть богъ свѣта, пѣсни, единоборства, луговъ и рощъ; онъ, расточающій жизнь, здоровье, радость, онъ также ниспосылаетъ заботу, болѣзнь и смерть, подобно великому свѣтилу дня, что горитъ надъ человѣческимъ родомъ, то грѣя и животворя, то сжигая и умерщвляя. Въ религіозномъ созерцаніи древнихъ, богъ и свѣтило — однозначащи. Мы, осужденные къ заключенію въ большихъ городахъ и обставленные щитами изысканныхъ средствъ культуры, мы ощущаемъ измѣнчивое вліяніе солнца меньше селянина и странника; даже эти люди ощущаютъ его меньше въ нашемъ климатѣ, гдѣ солнце сыплетъ на насъ болѣе мягкіе лучи. Иначе дѣйствуетъ его жгучій, пепелящій зной въ южныхъ странахъ, и не одно европейское войско въ наше время испытало на себѣ губительное вліяніе солнечнаго луча. Все еще бряцаетъ серебряное оружіе бога и, пожираемый лихорадочнымъ огнемъ, падаетъ всякій, навлекшій на себя его гнѣвъ.

Какъ безконечно не похожъ на насъ человѣкъ, мало еще удалившійся отъ раздольной жизни въ лонѣ природы! Онъ прежде всего зависитъ отъ повѣтрія; перемѣна временъ года и дня опредѣляютъ его родъ жизни и хворанія; почва и вода приносятъ ему то благословеніе, то опасности, смотря потому, милостиво ли

иль не благосклонно стелется надъ нимъ небо чистое, свѣтлое, или задернутое облаками. Для него солнце и туча, земля и море — не простые лишь четыре элемента, какъ для натурфилософа; для него все это личныя явленія, настоящія существа, съ которыми онъ вступаетъ въ личныя отношенія, — божества, которыхъ милость и немилость изливаются на него лично. Младенческое то состояніе, потому что младенецъ больше всѣхъ прибѣгаетъ и способенъ прибѣгать къ олицетворенію въ своемъ столь бѣдномъ кругѣ представленія; но оно также счастливое состояніе, потому что поставляетъ помысламъ и надеждѣ, предосторожности и боязни близкую и вѣрную цѣль.

Когда человѣкъ, дитя природы, обратилъ солнце въ Аполлона, лучъ этого свѣтила въ стрѣлу бога, причину горячки — въ раненіе человѣческаго тѣла такою стрѣлою; то онъ легко находитъ объясненіе, почему онъ сраженъ ею, легко находитъ средство къ искупленію, которое должно его спасти. Глѣвъъ бога слѣдуетъ умиловить жертвами, молитвами, заклинаніями. Греки подъ Троей, желая примириться съ грознымъ божествомъ, приносятъ ему гекатомбы быковъ, омываются въ морѣ отъ грѣховъ и жары и всего нечистаго, и поютъ пѣанъ. Здѣсь все связано естественною, логическою послѣдовательностью, и лихорадочный жаръ также находитъ себѣ естественное объясненіе, потому что онъ — каленый зной самого солнца, перенесенный на человѣческое тѣло, пронзившій насквозь это тѣло. И такимъ образомъ, само-собою понятно, что оружіе бога поражаетъ человѣка не столько внутри жилища, сколько подъ открытымъ небомъ. Лихорадка древнихъ — это прежде всего знобящая или перемежающаяся лихорадка, о которой мы знаемъ теперь, что она происхожденіемъ своимъ обязана нечистымъ испареніямъ почвы, а не та горячка, какая свирѣпствуетъ среди нашего городского

населенія, большею частью среди низшаго сословія, народа бѣднаго, не шая однако подѣ-часть и князей въ ихъ чертогахъ, та горячка, которую новѣйшія поколѣнія называли первною, тифозною и пагубнаго источника которой слѣдуетъ искать въ большомъ скопленіи людей. Перемежающіяся лихорадки — это лихорадки Кампаньи, болотныхъ странъ, рѣчныхъ низменностей; нервныя горячки — это лихорадки городовъ, казармъ, тюремъ.

Чѣмъ былъ для грековъ Аполлонъ - губитель, тѣмъ для другихъ народовъ были другіе боги, выработавшіеся большею частью въ менѣ опредѣленные личности. Потому что человѣкъ создаетъ себѣ своихъ боговъ сообразно съ собственнымъ образованіемъ. Германскія племена не создали ни одного боготворимаго образа, въ которомъ сливалось бы взаимно столько блаженства и зло-счастія, какъ въ образѣ Феба-Аполлона. Сѣверное небо, мрачная глушь германскихъ лѣсовъ, обиліе туманородныхъ водъ возбуждали другія думы. Германскія саги говорятъ, впрочемъ, о метательныхъ оружіяхъ боговъ, причиняющихъ человѣку болѣзни, но представленіе не связано съ однимъ только опредѣленнымъ божествомъ. Лихорадку напускаютъ, однако, преимущественно Эльбы, Альбы или Эльфы, божества луговъ, сыра-бора, низменнаго рѣчнаго берега. Альбъ самъ взбирается на человѣка и сидитъ верхомъ на его груди, которая сжимается подъ тяжелою ношею ¹.

Германскіе боги давно забыты, какъ многое другое германское. Одинъ Альбъ остался и все еще катается верхомъ на нашей груди, хотя мы чуть не забыли, что онъ имѣетъ больше общаго съ рѣкою Эльбою, нежели съ цѣпью Альповъ. Въ одной

¹ *Simrock*, «Handbuch der deutschen Mythologie». Bonn. 1853. 1. S. 543.

нѣмецкой пѣснѣ XII столѣтія¹ сказано также: «чтобъ на васъ ѣздила верхомъ лихорадка», и едва-ли можно сомнѣваться въ близкомъ родствѣ Альба и Ритта (Ritta, rito), потому что перемежающаяся лихорадка тоже сжимаетъ грудь, такъ-что мочи нѣтъ дышать, и больному сдается, что онъ задыхается словно подъ бременемъ тяжелой ноши. Болѣзнь охватываетъ его, точно бока его тѣла тѣсно сдавлены ногами ѣздока, и чисто внутреннее разстройство, которое зависитъ существенно отъ заторможенія грудно-брюшной преграды или сердца, кажется больному чѣмъ-то внѣшнимъ и приписывается посторонней личности. Въ этомъ вѣдь нѣтъ ничего поразительнаго. Римляне тоже дошли до того, что олицетворили лихорадку и сдѣлали изъ нея богиню. Въ одномъ Римѣ сооружены были три храма Dea febris, и само-собою разумѣется, что ей, подобно Аполлону, приписывали какъ могущество ниспосылать болѣзнь, такъ и даръ исцѣленія.

Передъ Божествомъ христіанства рушились храмы Аполлона и Dea febris; предъ его ликомъ образы великановъ и Эльбовъ расплылись въ туманныя очертанія. Но память народовъ долговѣчна.

Не сожигаютъ больше вѣдьмъ, не обвиняютъ больше старыхъ бабъ, что онѣ, призоромъ и сглазомъ или наговорами съ заклинаніемъ нечистаго, напустили на человѣка лихую немочь, порчу, (Hexenschuss). Но дьяволъ все еще шатается между людей.

Въ наше время широкаго развитія техники, наука о жизни, здоровой ли, больной ли, тоже вынуждена была прибѣгать все чаще и чаще къ пособию механическихъ вспомогательныхъ средствъ, для изученія и врачеванія человѣческаго тѣла и его дѣятель-

¹ См. «Отъ издателей».

ностей. Работаетъ же въ эту минуту, благодаря мудрой щедрости баварскаго короля, въ мюнхенскомъ біологическомъ институтѣ особая паровая машина, чтобы посредствомъ остроумнѣйшихъ снарядовъ установить цифру ежечаснаго и ежедневнаго расхода въ тѣлѣ углекислоты, этого важнаго дѣятеля дыханія. Успѣвающая техника и біологу облегчаетъ однообразную, утомительную работу. Но подспорья наши не исключительно техническія, сами представленія о ходѣ и процессахъ жизни сдѣлались механическими. Ни Аполлонъ и дьявольское навожденіе, ни первоуродный грѣхъ человѣческаго рода, ниже заговоры колдуней и чародѣевъ не допускаютъ никакого научнаго уразумѣнія; личное вліяніе сверхъестественныхъ могуществъ вносить вполне чуждые мотивы въ созерцаніе процессовъ природы.

Термометръ показываетъ намъ то, чего не могли дать всѣ они вмѣстѣ. Мы знаемъ теперь, что средняя температура тѣла здоровыхъ людей колеблется между 36° и 37° стоградусаго термометра, что она чаще всего равняется 37° . Въ выработываніи и поддержаніи такой температуры, тѣло отчасти только зависитъ отъ вѣншей теплоты, которая окружаетъ его непосредственно. Окружающій воздухъ можетъ согрѣться или охладиться на многіе градусы, а тѣло все-таки въ состояніи удержать за собою свою теплоту. 30° больше или меньше въ атмосферѣ часто не измѣняютъ собственной теплоты тѣла даже на $\frac{1}{2}^{\circ}$. Чувство испытываемое нами, когда намъ тепло или холодно, не можетъ быть вовсе мѣриломъ истинной температуры тѣла; это чувство означаетъ только состояніе кожныхъ нервовъ въ данное время, чаще всего — ощущеніе произошедшей въ нихъ разницы, и мы такимъ уже образомъ постигаемъ, почему страдающій лихорадкою при одной и той-же теплотѣ крови ощущаетъ разъ ознобъ, другой разъ жаръ. Такъ плохо приходится намъ иногда

съ нашимъ сознаниемъ, что мы часто не въ силахъ даже оцѣнить состояніе собственнаго тѣла безъ техническихъ вспомога-
тельныхъ средствъ.

Не совершенно то созданіе, которое хочетъ положиться на свои ощущенія, на свои догадки, на одно свое сознаніе! И тѣмъ не менѣе какъ оно совершенно, когда прекрасно устроенная механика его тѣла кипитъ правильною работою помимо его собственнаго сознанія, когда всѣ регуляторы въ полномъ ходу! Падаетъ ли внѣшняя дѣятельность органовъ — сей-часъ начинается внутренняя работа. Вещества стараются какъ въ пѣчкѣ; въ легкія проникаетъ флогистонъ, горючій воздухъ, такъ называемый, кислородъ, и опять-же черезъ легкія улетучивается большая часть сгорѣвшихъ матерій, въ формѣ углекислоты, подобно тому, какъ она улетучивается изъ пѣчки, когда дерево превратилось въ воздухъ. Такъ нагревается тѣло. Когда же внѣшняя температура, напротивъ, повышается, то начинаютъ свое дѣло регуляторы, чтобы внутреннее разгоряченіе не взяло верхъ. Кожа становится влажною, испаряющаяся влага поглощаетъ теплоту и дѣлаетъ его скрытымъ, тѣло охлаждается вопреки жаркой окружающей средѣ. Возбуждается жажда, мы принимаемъ холодное питье, которое дѣйствуетъ благотворно не одною лишь низкою своею температурою, но и тѣмъ еще, что доставляетъ кожѣ новое количество жидкости для испаренья. Такъ дружно и споро работаютъ эти и другіе регуляторы, что на достаточно-длгое время возможно поддержаніе того равновѣсія управленій, вълѣдствіе котораго мы чувствуемъ себя хорошо, и возможно оно даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Стало-быть, естественная собственная теплота ничуть не вродна, какъ думали въ незапамятную старину, воображая ее чѣмъ-

то въ родѣ дара боговъ; она также не постоянно возобновляемый подарокъ солнца, того добраго свѣтила, которое служить нашей землѣ необходимымъ источникомъ тепла; но она — самостоятельное произведеніе тѣла, задѣльная плата трудящимся органамъ. И это не одна только теплота здороваго тѣла: лихорадочный жаръ больного тѣла тоже не имѣетъ никакого внѣшняго источника; онъ также произведеніе внутренняго химическаго обмѣна, выраженіе настоящаго внутренняго пожара. Пожаръ этотъ истребляетъ не тѣ единственно вещества, которыя вводятся извнѣ вмѣстѣ съ пищею, но охватываетъ еще самыя ткани тѣла; чѣмъ тяжче горячка, тѣмъ быстрѣе истощаетъ она организмъ, тѣмъ раньше наступаетъ то ужасающее исхуданіе, благодаря которому продолжительнымъ лихорадкамъ дано названіе изнурительныхъ, или тектическихъ.

Если принять къ свѣдѣнію, что человѣкъ способенъ отстоять свою среднюю теплоту въ ледяномъ полярномъ поясѣ, гдѣ ртуть замерзаетъ, и въ пепелящемъ зноѣ тропиковъ, гдѣ солнце сыплетъ свои лучи отвѣсно надъ теменемъ; то не трудно придти къ тому выводу, что въ лихорадкѣ не градусы температуры тѣла уклонились значительно отъ нормы, а скорѣе ужъ регуляторы подверглись извѣстному разстройству. И въ самомъ дѣлѣ, термометръ поучаетъ насъ, что въ большинствѣ лихорадокъ температура тѣла повышается лишь до 38° и 39° стогоградуса, стало-быть приблизительно на два градуса, и что только въ самыхъ тяжкихъ нервныхъ и перемежающихся лихорадкахъ, равно въ нѣкоторыхъ воспалительныхъ и гнилыхъ горячкахъ, температура крови поднимается до 40° и 41° слѣдовательно на 3° — 4° выше естественнаго средняго числа. Такое ничтожное повышеніе внутренней температуры почти не выносимо; жажда становится неутолимой, грудь подымается все быстрѣе, что-

бы всосать побольше прохладнаго воздуха, сердце работает то-ропливо, тѣло безпокойно бросается во всѣ стороны, духъ воз-буждается, невольныя мысли возникаютъ и толпятся все буйнѣе, неугомоннѣе, освобождался все больше изъ - подъ власти само-опредѣленія и, наконецъ, истощаются самыя внутреннія состав-ныя части органическаго зданія, потому что у регуляторовъ не хватаетъ силы остановить возрастающую растрату тѣлесныхъ тканей.

И такъ, крайне важно затормозить такую растрату какъ мож-но раньше. Иногда это совершается произвольно, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время. Такое событіе назвали разрѣше-ніемъ, переломомъ (кризисъ), и примѣромъ тому служить преиму-щественно перемежающаяся лихорадка.

Въ ней именно всякій лихорадочный припадокъ состоитъ изъ трехъ правильныхъ отдѣловъ (стадіевъ). Сперва тѣло ощущаетъ наступившее разстройство въ видѣ озноба; за - тѣмъ явно уже обнаруживается жаръ; наконецъ является потъ и съ нимъ пе-реломъ, а потомъ на долгое иногда время наступаетъ перемеж-ка, покуда въ новомъ приступѣ болѣзни не повторится опять ходъ этихъ стадіевъ. Но такъ-какъ большинству южныхъ горя-чекъ свойственно нѣчто въ родѣ перемежекъ, нѣчто схожее съ обыкновенною знобящею лихорадкою, и во многихъ изъ нихъ можно распознавать опредѣленный, регулярный стадій, то ста-риннымъ врачамъ естественно должно было постоянно бросаться въ глаза великое значеніе перелома, въ томъ смыслѣ, въ ка-комъ они разъ на-всегда составили себѣ понятіе о кризисахъ. Однако не всегда испарина бываетъ признакомъ дѣйстви-тельнаго послабленія болѣзни. Въ изнурительныхъ лихорадкахъ вну-тренній разрушительный процессъ продолжается даже въ то вре-мя, когда больной плаваетъ въ поту, а въ первыхъ горячкахъ

часто за однимъ ознобомъ цѣлыя недѣли длится жаръ съ перемѣннымъ пониженіемъ и повышеніемъ температуры, а когда спустя долгое долгое время наступаютъ критическія выдѣленія, то онѣ — не столько средства къ облегченію, сколько его послѣдствія.

Запутанная механика лихорадки тогда только дается нашему уразумѣнію, когда мы бросимъ пристальный взглядъ на своеобразную механику тѣла. Его слѣдуетъ понимать какъ членистый, насквозь оживленный организмъ, котораго отдѣльныя части хотя и работаютъ во всякомъ случаѣ механично, но все-таки каждая изъ нихъ въ самой себѣ заключаетъ уже основу своей дѣятельности — жизнь. Многія жизни соединились здѣсь въ одну общую жизнь, многія особобытія съ независимую способностью къ жизни и дѣятельности поставлены во взаимную зависимость, и въ этой зависимости одно подчиняется вліянію другаго, каждое въ своемъ родѣ и по роду другаго. Иныя снабжены высшими достоинствами, и потому онѣ благороднѣе и важнѣе въ общинѣ, другія болѣе слабы, малы, убоги и одиноки, по-видимому даже ничтожны, но все же трудно обойтись безъ нихъ въ случаѣ бѣды.

Такимъ образомъ тѣло человѣка, и въ одинаковой мѣрѣ тѣло животнаго и растенія, можно вообще сравнить только съ органическимъ укладомъ и учрежденіемъ, гдѣ живыя, одаренныя самоопредѣленіемъ, единичныя существа вступаютъ во взаимныя отношенія, стало-быть, — съ семействомъ, общиною, государствомъ. Здѣсь тоже маленькіе и слабые стоятъ о-бокъ съ значными и могущественными, простой людъ о-бокъ съ бояриномъ и владыкой, всѣ какъ живые члены одного большого цѣлаго, каждый съ собственною жизнью, съ собственнымъ существомъ, которое имѣетъ особенное, индивидуальное выраженіе. Въ жизни государствъ и обществъ также говорятъ о горячкахъ и кризи-

сахъ, и тѣмъ чаще, чѣмъ тѣснѣ скованы естественныя регуляторныя силы.

Гдѣ же въ общинномъ укладѣ человѣческаго тѣла лежатъ великіе уравнивающіе снаряды? Они лежатъ прежде всего въ крови и первной системѣ. Кровь — это среда сношеній веществъ; въ своихъ сосудахъ, каналахъ сообщенія, течетъ она ко всѣмъ частямъ и послѣ длиннаго обхода, многократно измѣненная, возвращается снова къ сердцу, чтобы отсюда быть прогнанной черезъ легкія, этотъ великій центръ обмѣна газовъ. Оттуда она приноситъ съ собою кислородъ, который сжигаетъ вещества, и туда-же сдаетъ она углекислоту произшедшую отъ горѣнія. Изъ крови каждая часть черпаетъ свою долю веществъ, крови передаютъ всѣ части то, что стало для нихъ негоднымъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что кровь способна также сдѣлаться источникомъ общихъ разстройствъ, средоточіемъ конституціональных болѣзней? Различнѣйшими путями входятъ вредныя вещества въ кровь и, попадая за-тѣмъ въ отдѣльныя части тѣла, становятся могучимъ бродиломъ, закваской (ферментомъ) для внутреннихъ разложеній. Такъ происходятъ заразительныя горячки, въ которыхъ прежде всего кровь становится нечистою отъ разныхъ испорченныхъ веществъ, большею частью химическихъ, произошедшихъ отъ разложенія органическихъ, растительныхъ или животныхъ тѣлъ. Почва, жилье человѣка, пища и ремесло способны благопріятствовать подобнымъ разложеніямъ, но само тѣло также можетъ доставлять нужный матеріалъ и такимъ образомъ подавать поводъ, къ злѣйшему по своей чрезвычайной таинственности зараженію — къ самозараженію. Сюда принадлежатъ многія изъ такъ называемыхъ травматическихъ (отъ ранъ, ушибовъ) и воспалительныхъ горячекъ, какія

появляются особенно въ биткомъ набитыхъ больницахъ, и поэтому такъ часто возникаютъ въ-слѣдъ за большими сраженіями.

Но не всякое зараженіе крови вызываетъ лихорадку. Холера представляетъ одну изъ злѣйшихъ болѣзней отъ зараженія крови, и все-таки она въ сущности не лихорадка; еще больше, въ трудныхъ формахъ своихъ, холера обуславливаетъ даже такой упадокъ теплоты тѣла, что ее справедливо называли именемъ ледяной: *cholera algida*. Засореніе крови нечистотами тогда только причиняетъ лихорадку, когда въ одно и тоже-время поражаются еще важнѣйшія части нервной системы, когда, стало-быть, вредныя вещества изъ крови проникаютъ также къ извѣстнымъ нервнымъ частямъ. Но кровяной токъ есть только одинъ изъ многихъ путей, ведущихъ къ нервной системѣ, и такимъ образомъ существуютъ иныя горячки, въ которыхъ кровь, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не принимаетъ никакого участія, и засореніе ея не имѣетъ мѣста. Однако такъ называемая нервная горячка, тифъ, не принадлежитъ къ этому разряду, потому что именно она представляетъ такую несомнѣнную болѣзнь отъ зараженія, что, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сильно подозрѣваютъ здѣсь настоящую отраву. Напротивъ того, первоначальныя горячки нервной системы достаточно общезвѣстны въ популярномъ смыслѣ. Сюда принадлежитъ любовная горячка, относительно которой исторія медицины приводятъ такіе удивительные примѣры. Сюда же можно бы причислить демократическую горячку, если-бы дѣйствительно было доказано, что при ней бываетъ повышение температуры... Но нѣтъ сомнѣнія, что къ этому роду можно отнести ту изнурительную лихорадку, которая вызывается продолжительнымъ и чрезмѣрнымъ напряженіемъ тѣлеснымъ или душевнымъ, послѣ того какъ конституція предварительно уже истощена, нервная система уже ослаблена. Потому что во всѣхъ

случаяхъ конституціональной слабости, при первоначальномъ бо-
лѣзненномъ расположеніи, при недостаточномъ питаніи, при исто-
щеніи вслѣдствіе трудной работы, нервная система также склон-
на къ лихорадочному возбужденію.

Мы привыкли говорить: возбужденіе. Но подъ этимъ ни чуть
не слѣдуетъ представлять себѣ, что въ лихорадкѣ общимъ пра-
вилкомъ бываетъ увеличенное развитіе силы со стороны нервной си-
стемы. Напротивъ того, всякое возбужденное развитіе силы проис-
ходитъ только толчками, на ограниченное время, и когда оно свер-
шается, его слѣдуетъ приписывать скорѣе возвышенной раздра-
жительности. Но эта послѣдняя есть скорѣе признакъ слабости,
нежели крѣпости. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ явленія указываютъ
на то, что во всякой лихорадкѣ, какимъ-бы путемъ она ни про-
изошла, основной характеръ нервной дѣятельности, и именно
регуляторной (умѣряющей), заключается въ возрастающей сла-
бости и отсутствіи сопротивленія. Часто съ самаго уже начала
обнаруживается чрезвычайно ясное чувство усталости и безсилія,
мышцы только лѣнливо повинуются требованіямъ воли, человѣкъ
потягивается и выпрямляется, какъ послѣ усиленнаго тѣлеснаго
напряженія, онъ теряетъ охоту ко всякой дѣятельности, ко вся-
кому наслажденію, вздрагиваетъ при малѣйшемъ дуновеніи воз-
духа, короче — больной во всѣхъ частяхъ своихъ ощущаетъ раз-
стройство, которое поражаетъ части не столько въ ихъ прямой
сущности и значенія, сколько скорѣе въ ихъ взаимныхъ другъ къ
другу отношеніяхъ. Общее равновѣсіе частей нарушено и тѣмъ
самымъ сообщено чувство внутренней дисгармоніи.

Разладица эта скоро выступаетъ еще рѣзче. Сокращенія серд-
ца усиливаются, біенія пульса учащаются, межъ тѣмъ какъ
остальныя мышцы становятся все лѣнливѣе. Наступаетъ внѣшній
ознобъ, въ то время какъ внутренняя теплота все болѣе ра-

стеть. Мы легко можемъ понять, почему поверхность тѣла холодѣть, не смотря на то, что кровь теплѣе обыкновеннаго, ибо кровяные сосуды кожи сжимаются, суживаются до того, что по нимъ протекаетъ лишь малое количество крови, а такой притокъ не способенъ поддержать понижающуюся отъ лучеиспусканія температуру поверхности даже на нормальной ея высотѣ. Но сжатіе сосудовъ все-таки представляетъ явленіе, которое, подобно усиленной дѣятельности сердца, указываетъ на необычную работу стягивающихъ частей, какъ же намъ видѣть въ этомъ симптомѣ слабости? А все-таки оно такъ. Потому что, при естественномъ теченіи жизни, нервная система всюду вліяетъ какъ умѣритель (модераторъ). Въ нервной системѣ заключается то устройство, которое въ органической общинѣ не только играетъ роль посредника между частями, но еще управляетъ притокомъ крови, измѣняя какъ движенія сердца, такъ и діаметръ сосудовъ. Когда же она теряетъ способность оказывать эту посредническую или регуляторную дѣятельность, когда она надламывается и слабѣетъ въ своихъ собственно центральныхъ элементахъ; то пусть себѣ тѣ или другія части тѣла, пожалуй даже цѣлые отдѣлы его, обнаруживаютъ повышенную дѣятельность, но этимъ ничуть не измѣняется фактъ, что тѣло все-таки подвергается опасному ослабленію въ самыхъ важныхъ своихъ частяхъ, въ самомъ, такъ сказать, ядрѣ своемъ.

Чѣмъ яснѣе убѣжденіе это утвердилось въ умахъ врачей новѣйшаго времени, тѣмъ дальше оттиснуто было представленіе, которое тому еще нѣсколько десятковъ лѣтъ находило въ Германіи наибольшее сочувствіе, — то именно, что лихорадка сама по себѣ есть цѣлебная реакція тѣла противъ нѣкагого разстройства, проникшаго въ тѣло извнѣ или образовавшагося въ немъ самомъ, и что эта реакція въ переломѣ болѣзни находитъ свой

окончательный исходъ, одерживаетъ рѣшительную побѣду. Представленіе это не мало содѣйствовало тому, что врачи привыкли къ такъ называемому выжидательному способу лѣченія, а нѣкоторые ограничивались простымъ наблюденіемъ со стороны, устраненіемъ новыхъ вредностей. И хотя этотъ пигализмъ также имѣлъ свои хорошія стороны тѣмъ, что онъ положилъ, наконецъ, извѣстныя преграды кровопусканію, да чрезмѣрному назначенію сложныхъ и опасныхъ снадобій; однако нельзя отрицать, что онъ очень много способствовалъ развитію сильнаго недовѣрія къ врачебному искусству и открылъ грубѣйшему шарлатанизму входъ въ тѣ круги общества, которые считаютъ себя обыкновенно представителями самаго совершеннаго образованія. Такимъ образомъ дошли мы до того, что нѣкоторые салоны европейскихъ столицъ воспроизводятъ сцены, какія нѣкогда разыгрывались надувалами-жрецами въ храмахъ Аполлона и Эскулапа. — инкубации и эподы, какія въ древнія времена занесены были въ еллинскую культуру изъ дикой Фракіи, страны чаръ и колдовства.

Разсматриваемая съ точки зрѣнія единства организма, единства или, лучше, общности тѣла, лихорадка не есть ни реакція, ни даже въ сущности какое-нибудь дѣйствіе, а скорѣе только пассія, страданіе. Страданіе это прекращается съ восстановленіемъ равновѣсія отправления. Необходимо подавить увеличенное сгараніе частей органовъ, усиленную дѣятельность сердца; надо устранить слабость нервной системы, поднять угнетенную дѣятельность отдѣляющихъ органовъ. Личность больного, особенное состояніе его органовъ, своеобразность причины, вызвавшей лихорадку, время появленія болѣзни и многое другое опредѣляютъ выборъ средствъ, которыя способны оказывать подобныя услуги и которыя назначаются весьма различно, смотря по обстоятель-

ствамъ. Въ одномъ случаѣ мы обращаемъ наши дѣйствія прямо на жаръ, въ другомъ на сердце, въ иныхъ же случаяхъ мы подкрѣпляемъ нервную систему, или измѣняемъ составъ крови, или возбуждаемъ отдѣляющіе органы.

Вотъ въ этомъ заключается то, что называютъ гиппократовскимъ методомъ. Обособленіе случая, анализъ его со всѣми подспорьями техники, со всею напряженностью чувствъ и ума, выборъ средствъ не по названію болѣзни, которое мѣняется съ теченіемъ времени, но по своеобразности даннаго случая. Гиппократовскій способъ нашихъ дней въ подробностяхъ выполненія, въ практикѣ собственно, мало похожъ вообще на методъ, который употреблялъ самъ Гиппократъ, но основныя черты его остались одѣ и тѣ-же. Такой методъ составляетъ основу научной медицины, и если мы можемъ притязать на преимущество нѣмецкаго народа въ томъ, что онъ, не смотря на свою раздробленность, которая составляетъ преграды успѣхамъ науки, все-таки остался передовымъ и въ этихъ стремленіяхъ; то мы должны, можетъ быть, питать надежду, что этой націи суждено будетъ осуществить то практическое вліяніе, какое просвѣщенныя свѣдѣнія о жизни и болѣзни способны оказывать на внутреннее улучшеніе народнаго быта, и осуществить его на болѣе широкихъ основаніяхъ, нежели то было въ Греціи. Гиппократъ умеръ въ тотъ самый вѣкъ, когда вѣроломный Филиппъ Македонскій низвергнулъ, раздираемый крамолами и усобицами, союзъ греческихъ государствъ. Броженія послѣдующихъ временъ мѣшали всякому, проникающему глубже въ жизнь, развитію науки, и достопамятное твореніе Гиппократа о воздухѣ, водѣ и мѣстностяхъ осталось до нашихъ дней только символомъ, показывающимъ намъ, что можно было бы сдѣлать для общаго блага, если-бы преуспѣвающая научная школа мало по малу познакомила народъ

съ сокровищемъ опытныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ потомками Аполлона, тогда уже въ столь богатомъ изобиліи. Современная медицина восприняла въ себя эти свѣдѣнія и тѣсно связанную съ ними задачу; да удастся же ей доказать также на дѣлѣ, что ея наука идетъ отъ самаго бога свѣта и, стало-быть, сама божественна, въ чемъ нельзя сомнѣваться. Потому что живутъ еще многочисленные тому свидѣтели — вороны. Оли когда-то были бѣлы и почернѣли только, послѣ проклятія Аполлона, по поводу рожденія сына его Эскулапа¹.

¹ Preller, Griechische Mythologie. Leipzig. 1854. I. стр. 322.

VI.

О ТКАНЯХЪ ДЛЯ ПЛАТЬЯ.

Выборъ тканей — вещь довольно для насъ важная, безъ сомнѣ-
нія, дѣло важное и, если мы обратимъ на него серьезное вни-
маніе, то — дѣло трудное. Старая поговорка говоритъ: «но платье
выбравъ, а не потому, какъ оно — модно, а потому, какъ оно —
должно» оправдываетъ также и насъ. Если мы имѣемъ другіе
дѣла. Если такое платье, какъ говорится, расчитано, что
и на него будутъ смотрѣть, какъ на вещь свою, а не на вещь
униженія — гораздо болѣе, нежели другіе люди, его носятъ.
И такія образцы онъ легко рѣшается и приобретаетъ, если
платье, которое не соответствуетъ его пожеланію, не сразѣн-
но съ его достоинствомъ, не идетъ ему по лицу.

Но, какъ бы, очень трудно — для насъ въ будущемъ говорить о
дѣлахъ, потому что нѣтъ само собою разумеется, что каждый
человѣкъ долженъ обращаться съ ними — разчетливо; но погово-
рить о положеніи человѣка въ обществѣ, право, стоитъ труда.
Но, пожалуй, однако, что мы придерживаемся того мнѣнія, что
каждому человеку имѣть свои особенныя права и что нужно не
бояться отстаивать ихъ — барски, кухарки — на господствѣ. Мы же
въ качествѣ слугъ не имѣемъ такого убѣжденія. Намъ не
того, мы считаемъ дѣло неумнымъ, когда баринъ — чувствуетъ

съ сокровищахъ осыпанныхъ остатками, приобретенными потопами
 Аволави, тогда уже въ этомъ богатомъ изобилии. Сверхъземная
 изданная посвященная въ себя эти существа и тѣмъ самымъ
 съ ними связаны, да удостовѣряетъ въ доверенности, какъ она дѣла,
 что въ ней не вѣдетъ отъ своего бога-спаса и, стало-быть, сама
 божественна, изъ чего можно заключить. Потому что являясь
 еще вѣдомымъ тому-же существу — абрази. Оли когда-то бы-
 ла бѣла и историческая личность, но въ преданіи Амалона, въ по-
 слѣдствіе рожденія сына его Эскулапа.

О ТИПѢ И РАСПРОСТРАНЕНІИ

Выборъ одежды и необходимыхъ для нея тканей, безъ сомнѣ-
 нія, дѣло важное и, если мы обратимъ на него серьезное вни-
 маніе, то — даже трудное. Старая пословица говоритъ: «по платью
 встрѣчаютъ,» и потому самому иные люди воображаютъ, что
 должны обзаводиться такимъ-же платьемъ, какое носятъ другіе,
 именно знатныя или, по крайней мѣрѣ, особенно значительныя
 лица. Имѣя такое платье, иной господинъ разсчитываетъ, что
 и на него будутъ смотрѣть, какъ на важную особу, и станутъ
 уважать гораздо больше, нежели другихъ людей его десятка.
 И такимъ образомъ онъ легко рѣшается и приобретаетъ себѣ
 платье, которое не соответствуетъ его положенію, не соразмѣр-
 но съ его кошелькомъ, не идетъ ему къ лицу.

Это, конечно, очень глупо — мы уже не будемъ говорить о
 деньгахъ, потому что вѣдь само собою разумѣется, что каждый
 человѣкъ долженъ обращаться съ ними разсчетливо; но погово-
 рить о положеніи человѣка въ обществѣ, право, стоитъ труда.
 Не думайте однако, что мы придерживаемся того мнѣнія, что
 всякое сословіе имѣетъ свои особенныя права и что мужикъ не
 долженъ одѣваться по-барски, кухарка — по-господски. Мы ни
 въ какомъ случаѣ не питаемъ такого убѣжденія. Напротивъ
 того, мы считаемъ далеко неумнымъ, когда баринъ чувствуетъ

себя удивленнымъ, что мужикъ одѣвается такъ-же, какъ и онъ, или когда барыня запрещаетъ своей кухаркѣ покупать себѣ такую-же шляпку и перчатки, какія она заказываетъ для себя. Правомъ должны пользоваться всѣ и одинаково.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что такое право всѣмъ *кстати*, и кто искренно относится къ народу, тотъ прямо и честно скажетъ, что всякій человѣкъ обязанъ чутко слѣдить за собою, употребляетъ ли онъ свое право въ настоящую, ему лично соотвѣтственную пользу. И въ этомъ смыслѣ должно признаться, что многіе, изъ подражанія и тщеславія, изъ суеты и моды, сбиваются съ толку, дѣлаютъ многое несообразное съ ихъ благосостояніемъ, и упускаютъ изъ виду то, что было бы для нихъ прибыльно. Потому что прежде всего человѣку не мѣшало бы задаваться вопросомъ не о томъ, что другіе выдумали хорошаго, красиваго и пристойнаго для нихъ лично, но скорѣе о томъ, что для него самого выгодно, что лучше всего согласуется съ тѣмъ образомъ жизни, съ тѣми трудами и занятіями, которыя вышлѣ на его собственную долю.

Въ нѣкоторыхъ странахъ коренной простой народъ сторонится подальше отъ моды и больше придерживается старыхъ дѣдовскихъ обычаевъ. Это, конечно, весьма похвально, ибо можно допустить предположеніе, что если извѣстная одежда сохранилась въ какой-нибудь странѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, то она окажется прибыльной для кошелька и согласною съ образомъ занятія людей, которые ее несутъ. Поэтому-то старинный костюмъ имѣетъ такое важное значеніе въ глазахъ людей благочестивыхъ и консервативныхъ; такъ-какъ они воображаютъ, что взгляды будутъ также долговѣчны и неизмѣнны, какъ покрѣй платья.

Можетъ быть, оно часто такъ и бываетъ, но такъ-какъ

все на сѣбѣ имѣть двѣ стороны, а иногда и больше, то это правило новгородскъ и здѣсь. Старомодная одежда есть тоже модная; она не явилась вслѣдствіе свободнаго рѣшенія, она не выбрана была на основаніи составившагося убѣжденія, что она лучшая, какую только можно имѣть, а ее выбрали потому, что отцы и дѣды тоже ее носили. Такъ, есть люди, которые лѣтомъ бѣгають въ мѣховыхъ шапкахъ, хотя онѣ годятся только на зиму, и иной нѣмецкій селянинъ въ самые жаркіе дни обвязываетъ сѣбѣ шею и уши большимъ шерстянымъ платкомъ, что конечно было бы очень пріятно въ Рождество, но въ Ивановъ день причиняетъ только неудобства. Развѣ это не также глупо, какъ и то, когда бѣдный тратитъ послѣднія деньги, чтобы пришить серебряныя пуговицы къ камзолу, потому что его богатые предки, гордясь своимъ достояніемъ, не знали куда дѣвать избытокъ серебра.

При дѣйствительно разумномъ образованіи народа, вопросъ о платьѣ долженъ разрѣшаться не старомодностью и не новомодностью, а тѣмъ единственно, что полезно, цѣлесообразно и, пожалуй, если можно, красиво. Если предки изобрѣли что-нибудь въ этомъ родѣ, то было бы въ высшей степени безумно отказаться отъ него во имя новой моды; но когда новая мода предлагаетъ намъ нѣчто болѣе сообразное съ цѣлью и въ то-же время еще, пожалуй, болѣе красивое, то почему же намъ осуждать себя на сохраненіе менѣе полезнаго и менѣе красиваго — единственно изъ-за благоговѣнія къ преданію? Если-бы наши предки также рассуждали, что они должны одѣваться или, наконецъ, вовсе не одѣваться, по примѣру ихъ прародителей, то родина наша представляла бы теперь диковинное зрѣлище.

Потому что древнѣйшія, дошедшія до насъ, свѣдѣнія о германцахъ, повѣствуютъ, что одежда была тогда очень прѣстая.

Римскій писатель, Тацитъ, жившій въ первыя времена по Рождествѣ Христовомъ, рассказываетъ, что германцы дома и у роднаго очага располагались совершенно голыми; въ домъ они носили звѣриныя шкуры или коротенькіе плащи или платки, которые они пристегивали и прикалывали пряжкой или шнечкомъ. Даже женщины набрасывали на себя только лыяныя накидки; которыя оставляли руки и часть груди обнаженными. Костюмъ этотъ, такимъ образомъ, былъ весьма простъ, и человекъ, который въ наше время научается отъ родителей облекаться въ цѣлую кучу разнаго платья, одѣваемого одно поверхъ другаго, скоро схватилъ бы пасморкъ, если-бы ему пришлось прогуливаться лѣтомъ и зимою на-манеръ нашихъ прадѣдовъ.

Нѣкоторые ученые люди вывели отсюда то заключеніе, что современное поколѣніе разслаблено и извѣжено, и что необходимо вернуться къ полунагому состоянію древности, если хотять, чтобы человѣчество снова цвѣло здоровьемъ. Преобразованіе даже начали уже съ дѣтей, которыхъ заставляютъ бѣгать съ голыми колѣнками, а наши знатныя барыни иногда отправляются на балъ также обнаженныя, какъ Туснельда и ея современницы, съ тою разницею, что послѣднія цѣлый день проводили въ этомъ видѣ. Но изъ бальнаго костюма видно, по крайней мѣрѣ, что дѣло ни за чѣмъ не стало бы, если-бы только нужно было такъ. Вся суть въ томъ лишь, что пришлось бы привыкнуть, а это ужъ непременно случилось бы, когда-бъ нельзя было иначе.

Теплота воздуха сама по себѣ не ведетъ еще къ такому результату. Въ Греціи и Италіи, гдѣ древніе такъ плохо укрывали себя одеждами, какъ и теперь еще можно видѣть на мраморныхъ статуяхъ въ садахъ и палатахъ богачей, зимою часто до того холодно, что наши путешествующіе тамъ соотечественники сильно зябнуть, не смотря на теплыя фуфайки и шинели; а что

и во время оно тамъ было, по крайности, не менѣе холодно — это мы знаемъ изъ сохранившихся до нашихъ дней описаній тѣхъ земель и ихъ погоды. Еще больше: въ сѣверной Америкѣ, гдѣ еще на нашихъ глазахъ дикари обыкновенно также одѣты или и вовсе не одѣты, какъ древніе германцы, эти люди съ едва прикрытыми ногами совершаютъ большіе военные или охотничьи походы по снѣгу и льду, не страдая повидимому въ болѣе мѣрѣ, нежели образованная личность, которая встрѣчается съ ними на ихъ негостепріимныхъ поприщахъ, будучи хорошо, даже совершенно одѣта. Вотъ до чего могущественна сила привычки, до какой степени предохранительнъ, сообщаемый бывалостью, закалъ.

Но не должно думать, что всякое тѣло способно подвергнуться такому закону. Болѣзненные и слабыя особы преждевременно погибаютъ, и по этому самому у многихъ древнихъ народовъ водилось, а у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ еще до сихъ поръ въ обычаѣ, слабыхъ или уродливыхъ дѣтей выбрасывать, стариковъ и больныхъ убивать. Только христіанство возвѣстило всюду законъ любви и главнымъ образомъ слабые и больные нашли въ немъ себѣ защиту. Безъ сомнѣнія, нельзя считать простою случайностью, что съ тѣхъ поръ все больше и больше вошла въ употребленіе такая одежда, которая охраняетъ тѣло отъ бурь и непогоды. Чувство стыдливости само по себѣ не было тому причиной, потому что оно является ужъ слѣдствіемъ извѣстныхъ правовъ, а для естественнаго чувства не покрытое тѣло на столько же прилично, на сколько отчасти лишь прикрытое или одѣтое тѣло прилично для чувства, измѣненнаго привычкою, обычаемъ и общимъ употребленіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что иной слабый и болѣзненный человекъ остается въ живыхъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ съ самаго рожденія носитъ соотвѣтственное платье. Пусть жесто-

кіе люди задають вопросъ, — составляетъ ли для человѣчества особенное счастье, что такое множество хилыхъ его членовъ остается въ живыхъ; но подобная мысль противна цѣлому направленію нашего образованія, нашего человѣчнаго развитія. Кто ужъ разъ получилъ жизнь, тотъ имѣетъ право, пока онъ живъ, на помощь своихъ ближнихъ, и наша задача можетъ заключаться только въ томъ, чтобы не увеличивать числа нѣженковъ безразсуднымъ баловствомъ и лелѣянiемъ. Голосъ разумныхъ долженъ раздаваться противъ *злоупотребленія* въ одеждѣ и лишняго укутыванія тѣла, какимъ иная жменька начинаетъ вредить уже своему новорожденному младенцу; но, ратуя противъ злоупотребленія, не слѣдуетъ нападать виѣтъ съ тѣмъ и на полезное употребленіе.

Въ нашемъ поясѣ, гдѣ холодъ и теплота взаимно смѣняются съ такими большими и внезапными колебаніями, гдѣ попеременно господствуютъ то сухіе вѣтры, то влажные туманы, трудно будетъ вернуться къ полунаготѣ нашихъ прапредковъ. Никогда также не войдетъ снова въ общее употребленіе звѣриная шкура, выдубленная ли цѣликомъ или превращенная въ юфту и опоекъ, но такъ чтобы изъ нея дѣлался весь костюмъ. Это обходилось бы слишкомъ дорого, было бы ужъ очень неудобно, а подѣ-часть, пожалуй, и вредно. Последніе остатки такой одежды проглядываютъ еще въ мѣховыхъ шапкахъ нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ, въ гусарскихъ доломанахъ, въ русскихъ тулупахъ.

Нравы и обычаи нашего времени почти сплошь и рядомъ заставляютъ насъ употреблять на одежду разныя *ткани*. Ткацкое искусство — искусство древнее, старинное. Потому что, какъ помнано выше, уже при Тацитѣ, когда въ Германіи еще не было городовъ и едва-ли даже существовали села, когда весь почти

народъ вѣлъ еще жизнь не осѣдлую, занимались тканіемъ холстовъ и вѣроятно также — шерсти, ибо *фризъ*, употреблявшійся первоначально у стариннаго нѣмецкаго племени, Фризовъ, принадлежитъ, по видимому, древнѣйшей эпохѣ, и не одно открытіе новѣйшаго времени научаетъ, что въ ткацкомъ искусствѣ упражнялись на теперешней германской почвѣ даже до переселенія на нее германскихъ народовъ. Во многихъ швейцарскихъ озерахъ не давно нашли остатки древнихъ поселеній, такъ называемыя свайныя постройки, которыя принадлежатъ давно минувшимъ вѣкамъ, а люди тогда уже ткали.

Тканіе и пряденіе представляли собою высшія искусства нѣмецкихъ женщинъ; въ этомъ искусствѣ упражнялись не только бѣдныя, но и самыя знатныя. Времячко, когда „Берта ткала“, конечно, давно кануло въ вѣчность. То была древняя, я думаю, бургундская королева; а послѣ полагали, что времена настали плохія съ тѣхъ поръ какъ королевы перестали садиться за прялку и не захотѣли больше прядь и ткать кафтаны и штавы для своихъ мужей королей. Но мы вѣдь дожили до того, что бѣдныя женщины также не хотятъ больше прядь и ткать, и скоро, можетъ быть, будутъ говорить о „добромъ, старомъ времени“, когда вообще еще женщины пряли и ткали. Все больше и больше мѣсто *ручной* работы занимаетъ *фабричная*, и кто прежде самъ заготовлялъ для себя матерію, тотъ покупаетъ ее теперь у купца.

Вмѣстѣ съ этимъ въ жизни народа наступило начало могучаго переворота, который чрезвычайно важенъ не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Потому что человѣкъ, который не можетъ производить въ кругу своего дома и собственнаго хозяйства, все нужное для удовлетворенія его личныхъ и семейныхъ потребностей, становится въ зависимость

отъ другихъ и попадаетъ въ кругъ дѣйствія такихъ силъ, что легко можетъ сдѣлаться послушнымъ и невольнымъ ихъ орудіемъ. *Мода и цѣна* рѣшаютъ выборъ его платья; *дѣйствительная же потребность его тѣла* отодвигается все больше и больше на задній планъ. Мода соблазняетъ его на частныя перемѣны и такимъ образомъ вводитъ въ лишнія издержки, объемъ которыхъ довольно часто не находится въ должномъ отношеніи къ общему итогу его дохода. Иному господину приходится цѣною самыхъ насущныхъ лишеній искупать траты на то, чѣмъ онъ обвиниваетъ себя изъ тщеславія и подражанія; найдутся даже и слуги, которые тратятъ на вздорныя уборы и щегольскіе наряды все свое годичное жалованье, какъ-бы оно ни было незначительно, межъ тѣмъ какъ въ прежнія времена ихъ платенный сундукъ съ году на годъ все выше нагружался самодѣльными прочными матеріями и одеждами, не смотря на малое денежное вознагражденіе, а когда наступало время вступленія въ супружество, то для новаго хозяйства уже имѣлся на-готовѣ приличный запасецъ. Добрый старый обычай еще сохранился тамъ и сямъ, но онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше исчезаетъ. Большая часть трудового жалованья, едва лишь оно заработано, уже немедленно растрачивается, и на него покупается разное платье, которое часто дотога непрочное, что на-силу переживаетъ моду дня. Всякому хочется дешевле купить, но «дешево, да гнило». Что куплено въ одномъ году, въ слѣдующемъ за нимъ уже изношено; потомъ выходитъ новая мода и необходимо дѣлать опять новыя закупки, и, такимъ образомъ, частая перемѣна моды благопріятствуетъ непрочности матеріи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, ускоряетъ перемѣну моды.

Проповѣдники нравственности совершенно правы, когда утверждаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не объ одной только перемѣни-

ности матерія и модъ, но равнымъ образомъ и, можетъ быть, еще больше объ измѣчивости внутренняго чловѣка. Но они неправы, когда эту перемену просто обозначаютъ какъ шагъ въпередъ къ унадку чловѣческаго рода, къ гибели добрыхъ нравовъ, къ царству злаго духа. Потому, что учителя народнаго хозяйства ясно доказываютъ намъ, на оборотъ, что процвѣтаніе государствъ, мирныя сношенія между народами, развитіе искусства и науки, торговли и промысловъ, земледѣлія и скотоводства, что благосостояніе и образованіе, свобода и самоопредѣленіе отдѣльнаго чловѣка — все это существенно и тѣсно связано съ успѣшнымъ переходомъ отъ ручной работы къ фабричной, и такое мнѣніе упомянутые учителя умѣютъ подтверждать примѣрами и фактами. Поэтому они пророчествуютъ въ будущемъ столько же счастья, сколько проповѣдники нравственности предрекаютъ горя и бѣды.

Спрашивается за-тѣмъ, кто больше правъ? ибо ясно какъ день, что ни объ одномъ изъ этихъ взглядовъ нельзя сказать, что онъ во всемъ вѣренъ, или ни въ чемъ невѣренъ, и если хотятъ быть справедливымъ, то должно согласиться, какъ это часто бываетъ въ свѣтѣ, на извѣстную средину. Но мы въ данномъ случаѣ также думаемъ, что истина находится здѣсь не въ самой срединѣ, но что она больше на одной сторонѣ, и притомъ на сторонѣ представителей народнаго хозяйства. Ибо мы считаемъ несомнѣннымъ, что тотъ, кто хочетъ или вынужденъ собственнымъ производствомъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, не можетъ въ то-же время одинаково хорошо удовлетворять не только всѣмъ тѣлеснымъ, но еще въ меньшей мѣрѣ своимъ духовнымъ потребностямъ. Нѣтъ возможности въ одно и то-же время хорошо пахать и сѣять, косить и молотить, прясть и ткать, кроить и шить, варить и жарить, дубить кожу и ковать

желѣзо. Чтобы все это выполнять хорошо, необходима помощь другихъ, необходимо соединяться въ большія общины, необходимо *раздѣлить работу*. Такимъ образомъ, по естественному порядку, на долю женщины выпадаетъ другой трудъ, нежели на долю мужчины; такъ, въ семействѣ одинъ членъ заботится объ одномъ, другой о другомъ, смотря по силамъ и способностямъ каждаго; такъ, при содѣйствіи прислуги и подмастерьевъ, учреждается болѣе обширное хозяйство, мастерская, фабрика; такъ народы вступаютъ во взаимныя сношенія, чтобы передавать другъ другу тѣ произведенія, которыя обходятся имъ дешевле и лучше изготовляются.

Такой раздѣлъ труда столько-же естественъ, сколько необходимъ и для всѣхъ прибылей, полезенъ. Но всякое нововведеніе, какъ-бы медленно и постепенно оно ни совершалось, всегда утверждается среди однажды установившихся отношеній все-таки съ извѣстными препятствіями и неудачами, отъ которыхъ страдаютъ то большіе, то меньшіе круги людей. Только за эти неудачи и хватаются вѣщунны дѣйствій и проповѣдники нравственности, чтобы навязывать встречному и поперечному свои предостереженія и упрёки. Потому что въ любомъ новомъ положеніи нужно еще прежде пріобрѣсти новыя опытыя свѣдѣнія, а они стоятъ одному денегъ, другому здоровья, третьему потери чести и честности. Но это переходное состояніе какъ отдѣльная личность, такъ и весь народъ должны научиться побѣдить.

Трудно повѣрить, чтобы такіе великіе вопросы состояли въ связи съ употребляемымъ на платьѣ матеріаломъ, да притомъ еще съ однимъ его отдѣломъ — тканями. И все-таки именно мы находимся теперь среди такого переходнаго періода, когда затрудненія и разстройства охватили самыя обширныя отношенія вслѣдствіе введенія *хлопчатобумажныхъ* тканей въ фабрикацію и одежду европейскихъ народовъ.

Хлопокъ съ древнѣйшихъ временъ служилъ въ Индіи и Египтѣ матеріаломъ для одежды, но только съ конца прошлаго вѣка приобрѣлъ онъ такое рѣшительно обширное значеніе для Европы и всего міра. Этому благоприятствовали въ - особенности два обстоятельства, именно изобрѣтеніе ткацкой машины и введеніе воздѣлыванья хлопка въ Сѣверной Америкѣ. Между тѣмъ какъ машины производятъ не только гораздо большія количества тканей, но еще и несравненно дешевле, работа черныхъ рабовъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки доставила въ распоряженіе фабрикантовъ огромныя массы самаго дешеваго хлопка.

Такимъ образомъ стало возможнымъ снабжать весь почти міръ хлопкомъ изъ одного этого пункта. Старыя матеріи для платья, которыя изготовлялись домашнимъ способомъ, въ-особенности же шерсть и ленъ потерпѣли пораженіе отъ хлопка не только на всесвѣтныхъ рынкахъ, но и въ частныхъ хозяйствахъ, и каттунъ (ситецъ, набойка) властвуетъ теперь самодержавно, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи женскаго пола. Обработка хлопка и фабрикація бумажныхъ тканей положили основаніе большей части народнаго богатства Англіи, а за - тѣмъ и другихъ европейскихъ государствъ, и когда народы заключаютъ теперь торговые договоры, то главную въ нихъ роль играетъ хлопокъ вмѣстѣ съ желѣзомъ.

Хлопокъ въ настоящее время занимаетъ такое же мѣсто между употребляемыми на одежду веществами, какое кофе занимаетъ между питательными веществами. Оба вытѣснили туземныя, во многихъ отношеніяхъ лучшія вещества, и привели народонаселеніе въ зависимость отъ чужой стороны. Дурной урожай хлопка или кофе отзывается на кошелькѣ каждаго чело-вѣка въ Европѣ; отъ этого — разстройства великихъ торговыхъ движеній становятся ощутительны для каждаго отдѣльнаго лица. Но относительно хлопка это имѣетъ силу въ гораздо большей

степени, потому что онъ воздѣлывается въ большихъ размѣрахъ въ одной лишь Сѣверной Америкѣ. Въ то время, какъ кофе получается нами изъ Остѣ- и Востѣ-Индіи, Аравіи и южной Америки, и потому цѣны этой статьи торговли взаимно уравниваются, — для хлопка нѣтъ средства къ сохраненію равновѣсія. И это болѣзненное всего чувствуется въ настоящее время, когда гражданская война въ Сѣверной Америкѣ произвела въ воздѣлываніи хлопка почти полный застой.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ нужда распространяется все больше въ хлопчатобумажныхъ округахъ Англіи и становится замѣтною уже во Франціи и Германіи. Хлопокъ сдѣлался предметомъ высокой политики, и очень можетъ случиться, что съ нимъ соединятся тяжеловѣсныя по послѣдствіямъ событія, важныя для развитія всего человѣчества.

Такимъ образомъ оказывается, что стоитъ труда провѣрить здѣсь этимъ примѣромъ — правы ли были злобистники разныхъ бѣдствій, когда они указывали на катунъ точно на воплощеніе всѣхъ золъ, отъ котораго исходятъ бѣдность, рабство, раздоръ и всякая пакость.

Событія, по видимому, оправдали это мнѣніе началомъ дѣла. Въ Америкѣ воздѣлываніе хлопчатника было главною причиною поддержанія и распространенія рабства, а конечнымъ исходомъ вспыхнула кровавая, гражданская междоусобица, которая постепенно приняла такіе размѣры, что міръ никогда прежде не былъ свидѣтелемъ подобныхъ внутреннихъ войнъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы фабрикація хлопка повела къ накопленію такого рабочаго народонаселенія, которое должно ограничиваться почти исключительно однимъ этимъ источникомъ пропитанія и, при каждомъ торговомъ кризисѣ, при малѣйшей остановкѣ въ сношеніяхъ, при каждомъ дурномъ урожаѣ, подвергается опасности

умереть голодною смертию. И мало еще этого, хлопокъ вытѣснилъ шерсть и ленъ, которые для многихъ были несравненно полезнѣе; хлопокъ уничтожилъ болѣе прочную работу, чтобъ замѣнить ее фабричнымъ произведеніемъ часто весьма плохого достоинства; хлопокъ поспособствовалъ измѣнчивости моды, страсти къ нарядамъ, мотовству, способствовалъ тому, что отдѣльныя личности превознеслись на счетъ многихъ. Ни одно изъ употребляемыхъ на одежду веществъ не причинило всему міру больше зла, и если прежде говорили, что въ водкѣ сидитъ самъ дьяволъ, то, право, можетъ явиться поношное сказать то-же самое о хлопкѣ.

И все-таки это было бы жестокое преувеличеніе. Потому, что мы терпимъ не отъ хлопка, а отъ нашей собственной необдуманности, отъ нашего собственнаго неразумія. Въ немъ-то, какъ и всегда, сидитъ тотъ дьяволъ, который свелъ насъ съ пути, и настоящій кризисъ, нужно надѣяться, приведетъ насъ въ разумное, хозяйски разсчитливое и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное состояніе. Шерсть, ленъ и вѣроятно также шелкъ снова попадутъ въ почетъ; хлопокъ, можетъ быть, вздорожаетъ надолго и, пожалуй, ни одному народу въ мірѣ не будетъ уже больше доставаться въ такихъ огромныхъ массахъ и такъ дешево, какъ получали его англичане въ теченіе полулѣтїа. Но «доброе, старое время» все-таки не вернется болѣе; не войдетъ снова въ общее обыкновеніе ходить безъ рубахъ или носить только такіа, что изготовлены дома и для которыхъ сами хозяева воздѣлывали ленъ. Побѣда хлопка только тогда поколеблется и сдѣлается сомнительной, когда онъ будетъ вытѣсненъ какимъ-нибудь новымъ матеріаломъ для одежды; но тѣмъ временемъ хлопчатникъ найдетъ себѣ новыя страны, гдѣ его станутъ воздѣлывать, и если съ нимъ вадетъ рабство негровъ въ Америкѣ, то кто

знаеть, что на мѣсто этого рабства не явится новое и далеко худшее гдѣ-нибудь въ Америкѣ или Остѣ - Индіи?

Но что до настоящаго времени, то это еще не причиняетъ намъ заботъ. Если мы ближе всего съ достовѣрностью можемъ разсчитывать, что производство хлопчатой бумаги скорѣе сократится, нежели разширится въ объемѣ, то настала минута, когда мы въ состояніи съ большимъ спокойствіемъ обсудить вопросъ, соотвѣтственно ли будетъ личнымъ и экономическимъ интересамъ нашего народа, если мы возвратимъ хлопку его прежнее столь обширное и неограниченное господство, или, — другими словами — сообразно ли съ нашими потребностями справлять большую часть платья изъ хлопчато-бумажныхъ тканей. Таковъ вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ съ перваго взгляда. Но его не должно предлагать въ столь общихъ выраженіяхъ. Потому, что большая разница, говоримъ ли мы о нижней или верхней одеждѣ, и легко можетъ быть, что если бы оказалось полезнымъ дѣлать верхнее платье изъ хлопчато-бумажной ткани, то все-таки вмѣстѣ съ тѣмъ бесполезно было бы шить изъ такой-же матеріи исподнюю одежду. Или на оборотъ, иному человѣку выгоднѣе было бы носить бумажныя рубахи, чулки и тому подобное, а все-таки можетъ быть пришлось бы посовѣтывать ему кафтанъ и шанель заказывать изъ шерстяной ткани. Къ сожалѣнію, большинство людей обращаютъ большое вниманіе на свой внѣшній видъ и мало заботятся о достоинствахъ исподней одежды, и этимъ-то легко объясняется, почему верхнее платье, какъ въ отношеніи чистоты, такъ и въ отношеніи ожидаемой отъ него пользы, пользуется вообще болѣе тщательнымъ уходомъ, нежели исподняя одежда. Всюду и постоянно можно убѣдиться, до какой степени люди проникнуты предразсудкомъ, что « по платью встрѣчаютъ ».

А благоразуміе требуетъ, чтобы мы поступали какъ - разъ на-оборотъ, потому что прежде всего, *здоровье*, а потомъ *красота и пристойность*. Не лучше ли во сто разъ носить скорѣе старый сюртукъ или потертую шинель, нежели грязную или нигда негодную рубашку? Вѣдь только благодаря тому обстоятельству, что даже въ наше, вообще впрочемъ превратное время, все еще сохранились слѣды созванія этой истины, люди выставляютъ наружу воротнички, да рукавички, да малую толику нагрудной вставки рубѣхи, или стараются приладить все такимъ образомъ, что будто бы обнажаютъ образчики всего своего бѣлья, а на самомъ дѣлѣ это выходитъ сущій *обманъ*. Потому что человѣкъ, обнажающій чистые воротнички, рукавички, старается только обмануть другихъ и внушить имъ мнѣніе, будто у него чистое и хорошее бѣлье, а на дѣлѣ этого ничуть не бывало.

Все, что приходитъ въ непосредственное прикосновеніе съ тѣломъ, слѣдовало бы выбирать съ удвоенною осмотрительностью. И въ этомъ отношеніи спрашивается: чему отдавать предпочтеніе, льну или бумагѣ, или, если хотять идти еще дальше и имѣють въ виду особенныя соображенія касательно здоровья, — шерсти и даже шелку?

Матеріи, приготовляемыя изъ этихъ веществъ, всѣ — тканья, составленныя изъ сѣтеобразно переплетенныхъ нитей. Чѣмъ плотнѣе или жиже онѣ вытканы, чѣмъ грубѣе или нѣжнѣе, толще или тоньше ихъ нитки, тѣмъ больше или меньше допускають онѣ обмѣвъ воздухообразныхъ частицъ, которыя проникають чрезъ ихъ петли и промежуточные дырочки. Внѣшній атмосферный воздухъ можетъ проходить внутрь до кожи и, на - оборотъ, испарина тѣла можетъ проливаться наружу и смѣшиваться съ внѣшнимъ воздухомъ. Чѣмъ гуще и плотнѣе ткань (а это зависитъ также отъ того, туже или слабѣе скручена основная нитка)

тѣмъ труднѣе совершается подобный обмѣнъ газовъ. Если матерія къ тому еще нова или, быть можетъ, особенно вылощена, то это явленіе еще менѣе возможно. Резиновая ткань, какъ извѣстно, вовсе не допускаетъ помнутаго обмѣна, и таковы въ большей или меньшей степени свойства кожаненнаго товара въ особенности промасленнаго, лакированнаго и навощеннаго. При долгой носкѣ, когда ткань по-немногу старѣетъ, отношеніе измѣняется, потому что готовые петли ея постоянно растягиваются, ткань становится рыхлою и въ ней образуются разныя дыры и прорѣхи.

Итакъ, ясно какъ день, что неразумно было бы, безъ особенной надобности и притомъ еще непосредственно на тѣлѣ, носить такія ткани, которыя пропускаютъ мало испарины и воздуха. Онѣ не только черезъ-чуръ грѣютъ, препятствуя соприкосновенію съ кожею болѣе свѣжаго, прохладнаго воздуха, но еще увеличиваютъ отдѣленіе кожи, держатъ ее точно въ паровой банѣ и мѣшаютъ улетучиванію выделяемыхъ веществъ, слѣдовательно *кожному дыханію*. Потому что кожа также извѣстнымъ образомъ дышетъ. Вредныя вліянія эти нигдѣ не выражены такъ ясно, какъ при употребленіи резиновыхъ матерій, и, конечно, весьма похвально, что такъ называемыя резиновые накидки мало по малу преданы забвенію и почти исключительно употребляются только какъ непромокаемые плащи отъ дождя. Это вѣдь искусственные потогонные ящики. Если матросы да рыбаки и обладаютъ подобнымъ платьемъ въ видѣ намоленныхъ куртокъ и непроницаемыхъ зюбвестеровъ, то все-таки никто не станетъ утверждать, что такой костюмъ заслуживаетъ подражанія и въ хорошую погоду и на сушѣ.

Прежде носили непосредственно на голомъ тѣлѣ кожаные камзолы и другую одежду изъ *кожи*. Въ настоящее же время

этотъ древнѣйшій костюмъ предоставили однимъ эскимосамъ и другимъ дикимъ племенамъ, и весьма благоразумно, потому что ихъ суровое небо вынуждаетъ прибѣгать къ особеннымъ средствамъ защиты отъ холода и ненастья. У насъ въ однихъ только рукавицахъ и перчаткахъ сохранились еще слѣды такого обыкновенія, хотя, какъ само собою понятно, и не безъ ограниченія, потому что давно уже руки также начали прятать въ тканную или вязанную одежду. Но перчатки мѣняются рѣже чулокъ, а не мѣшало бы соблюдать и здѣсь правильный порядокъ.

Подъ нашимъ небомъ и при нашихъ обычныхъ занятіяхъ, конечно, далеко полезнѣе облекать тѣло въ тканныя матеріи, нежели въ кожаныя. Слѣдуетъ-ли дѣлать нижнюю одежду изъ болѣе плотнаго или болѣе тонкаго матеріала — вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, находится въ очень тѣсной связи съ выборомъ верхняго платья. Всякая дама, которая носить совершенно тонкую, почти прозрачную верхнюю одежду, должна будетъ, не говоря уже о требованіяхъ приличія, одѣвать по возможности *плотное* нижнее платье, если она не захочетъ подвергаться постоянной опасности простуды. Она будетъ обращать вниманіе на тонину нитей, на густоту и добротность ткани. Мужчина, напротивъ, не нуждается въ этомъ, потому что онъ носитъ болѣе толстое и многочисленное верхнее платье. Шелковая рубашка, какъ наиболѣе густая, прилична, конечно, для такихъ лицъ, которые надѣваютъ на себя вообще мало платья; обыкновенный же человѣкъ, безъ сомнѣнія, поступитъ умнѣе, когда выберетъ для себя холщевую или бумажную сорочку.

Но, кромѣ густоты и плотности, необходимо еще принять во вниманіе другія весьма существенныя достоинства тканей. Сюда принадлежитъ прежде всего *естественное качество волоконъ*, изъ которыхъ скручена нитка ткани. Потому что въ сущности

каждая нитка прядется изъ болѣе тонкихъ нитей или волоконъ или волосковъ, полученныхъ изъ растеній или животныхъ; для большей краткости мы все огуломъ назовемъ волокномъ, потому что главная суть не въ знаніи и, въ нашемъ смыслѣ, волосинку также удобно назвать волокномъ, все равно — взята ли она отъ животнаго, какъ шерсть и шелкъ, или изъ растенія, какъ хлопчатое волокно. Это послѣднее, если ужъ судить строго, есть также волосокъ, который вырастаетъ на вѣшней оболочкѣ сѣмени хлопчатника въ такомъ-же родѣ, какъ пушокъ пробивается черезъ кожицу животныхъ. Шелковое волокно, напротивъ, представляетъ собою, какъ извѣстно, продуктъ выдѣляемый шелко-вичною гусеницей, а льняное волокно есть составная часть льнянаго стебля. Такимъ образомъ шерсть и шелкъ представляютъ животныя волокна, а хлопокъ и ленъ — растительныя, и съ химической точки зрѣнія первые два находятся въ болѣе близкомъ родствѣ между собою, нежели съ двумя послѣдними родами волоконъ, которыя въ свою очередь крайне сходственны между собою по внутреннему составу.

Для фабрикацій, въ-особенности же для красильнаго искусства это далеко не маловажно; но собственно относительно платья оно не имѣетъ почти никакого значенія. Здѣсь рѣшительную роль играютъ *внѣшнія качества* волокна, его видъ, поверхность, тѣмъ болѣе когда рѣчь идетъ о тканяхъ непосредственно прикасающихся къ голому тѣлу. А въ этомъ отношеніи шелкъ болѣе походитъ на ленъ, междъ тѣмъ какъ хлопчатая бумага приближается къ шерсти и пуху. Потому что шелковая нитка гладка и кругла, такъ что она прикасается къ тѣлу въ высшей степени мягко и нѣжно; къ ней ближе всего подходитъ льняное волокно, которое также одарено достаточно гладкою и круглою поверхностью, въ-особенности пока оно еще не изношено. Бу-

мажное волокно, напротивъ, имѣть поверхность скрученную, угловатую и ребристую, а потому самому острую и раздражающую; наконецъ шерстяное волокно, которое составлено изъ огромнаго числа гладкихъ чешуекъ, отчасти покрывающихъ другъ дружку на-подобіе черениць, хотя и кругло, но наружность его жестка, шероховата, а потому оно также весьма сильно раздражаетъ.

Всякій человѣкъ легко чувствуетъ исчисленные различія, когда у него на тѣлѣ имѣются чувствительныя, болѣзненные или изъязвленные мѣста. Уже при обыкновенномъ насморкѣ можно испытать, какаа большая разниа въ ощущеніи, когда мы прикасаемся къ носу шелковымъ и полотнянымъ, или бумажнымъ и шерстянымъ платкомъ.

Разница эта даетъ себя знать еще сильнѣе при накладываніи повязки или корнѣи изъ различныхъ тканей прямо на язвы и раны. Еще больше есть людей, кожа которыхъ до того чувствительна, что они вообще не переносятъ раздраженія отъ бумажнаго или шерстянаго исподняго платья: оно причиняетъ имъ жаръ и зудъ, кожа ихъ даже способна воспалиться и покрываться сыпью. Въ подобныхъ случаяхъ выборъ одежды рѣшится самъ собою.

Если хлопчатая бумага и шерсть производятъ въ чувствительной кожѣ ощущеніе жженія или, по крайней мѣрѣ, жара, то онѣ при обыкновенномъ состояніи кожи также возбуждаютъ чувство теплоты, междѣ тѣмъ какъ шелкъ и ленъ вначалѣ скорѣе охлаждають, а потомъ уже, можетъ быть, и грѣють, смотря по толщинѣ и плотности ткани. Во всякомъ случаѣ этимъ однимъ уже объясняется, по-чему въ теплое время года и въ жаркихъ странахъ удобнѣе одѣваться въ шелкъ и полотно, а въ прохладную погоду и въ холодныхъ странахъ лучше носить бумагу и шерсть. Этому положенію не противорѣчитъ то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ хлопчатую бумагу много носятъ

именно въ жаркихъ странахъ, потому что, во-первыхъ, хлопокъ не произрастаетъ въ холодныхъ поясахъ, куда онъ введенъ только благодаря развитію международныхъ сношеній, во-вторыхъ, народъ въ знойныхъ краяхъ носить по большей части широкую, свободную, воздушную и простую одежду и совершенно незнакомъ съ огромнымъ числомъ верхнихъ и нижнихъ платьевъ, которое обусловливается обычаемъ нашего времени и страны. И все-таки эти люди умѣютъ цѣнить достоинства льна. Когда нѣмецкое полотняное производство находилось на высшей точкѣ процвѣтанія, тогда большія количества льняныхъ издѣлій вывозились не только въ Испанію, но также въ Америку, и только когда первая изъ упомянутыхъ странъ закрылась для нѣмцевъ, благодаря превратной политикѣ, а фабрикація сама уронила довѣріе къ себѣ примѣсю къ ткани хлопчатобумажныхъ нитей, только тогда пала эта отрасль промышленности, обрушившись бѣдствіемъ и горемъ на ткацкіе округа.

Севѣмъ иного рода размысленія представляются намъ, когда мы разсматриваемъ различныя ткани на платье со стороны способности ихъ впитывать въ себя жидкости. Въ этомъ отношеніи необходимо однако отличать отдѣльное волокно отъ заготовляемой изъ него ткани. Потому что самый способъ, по которому соткана извѣстная матерія, можетъ сообщить ей въ высокой степени способность вбирать въ себя влагу, хотя отдѣльное волокно само по себѣ весьма малоспособно къ тому, и, наоборотъ, отдѣльныя волокна могутъ всасывать жидкость чрезвычайно жадно, междѣ тѣмъ какъ чѣлая ткань отличается свойствомъ сопротивляться проникновенію влажности. Чѣмъ плотнѣе ткань, тѣмъ менѣе впитываетъ она въ себя влаги, потому что чѣмъ мельче промежутки или петельки между нитями, чѣмъ тѣснѣе прилегаютъ другъ къ другу извилины волоконцевъ внутри скрученныхъ нитокъ, тѣмъ незначительнѣе пространства, въ ко-

горыхъ можетъ накопляться жидкость. Шерстяныя матеріи, которыя трутся въ высшей степени слабо, скорѣе всего и промокаютъ, что легко можно замѣтить въ туманные дни и особенно вечера; всѣ порядкомъ изтошенные платья, которыя сильно уже поддалились и растрепались, быстрѣе поглощаютъ влажность, нежели новыя и еще достаточно крѣпкія ткани.

На этотъ разъ отсыреніе, при которомъ влага накопляется только въ нитяхъ ткани, имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели тѣ случаи, когда сами волокна матеріи насквозь пропитываются влагой. Въ первомъ случаѣ влага располагается вокругъ и между волоконъ, во второмъ же она проникаетъ самую толщину волоконъ, которыя поэтому разбухаютъ; такую способность разбухать одарены въ высшей степени льняныя волокна, въ далеко меньшей мѣрѣ — шелкъ, а еще меньше — хлопчатая бумага и шерсть, послѣдняя въ-особенности тогда, какъ она еще не лишилась умасливающего ее жира, какъ это бываетъ въ натуральномъ ея видѣ. Сильно разбухающія волокна труднѣе высыхаютъ, потому что онѣ только медленно освобождаются отъ впитанной влаги, они плотнѣе прилегаютъ къ тѣлу; а такъ-какъ на поверхности ихъ совершается медленное испареніе влаги, вслѣдствіе чего извѣстное количество теплоты дѣлается скрытнымъ, то они и производятъ на тѣло охлаждающее дѣйствіе. Такимъ образомъ нѣтъ ткани, которая прохлаждала бы больше полотняной и холщевой, но никакая ткань не ведетъ такъ-же легко къ простудѣ. Едва прикрытое или даже совершенно голое тѣло меньше подвергается опасности простудиться, нежели тѣло одѣтое въ одно лишь льняное платье, и потому не одинъ человѣкъ постигнулъ бы разумнѣе, если-бы совершенно обнажилъ свою грудь, нежели когда онъ подвергается ея всѣмъ колебаніямъ погоды, прикрывая только тонкою холщевой рубахою, какъ того

требуетъ совершенная мода отъ мужчинъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ нашемъ климатѣ лицамъ чувствительнымъ, расположеннымъ къ простудѣ, болѣзненнымъ и раздражительнымъ полезнѣе было бы предпочитать бумажныя рубахи (ширтингъ, коленкоръ) даже для лѣта, или носить шерстяныя фуражки. Потому что именно лѣтомъ легче всего и простуживаются, такъ - какъ колебанiя въ теплотѣ воздуха весьма значительны, особенно по вечерамъ, поводы къ разгоряченiю тѣла весьма часты, а о прикрытiи его теплою верхнею одежою заботятся по обыкновенiю черезъ-чуръ мало. Нигдѣ эта истина не признается такъ безусловно, какъ на судахъ. Матросы, конечно, народъ закаленный, привычный, и все-таки они давно уже придерживаются правила дѣлать исподнее платье изъ хлопчатой бумаги или шерсти.

Здѣсь умѣстно было бы поговорить еще о большей или меньшей способности различныхъ волоконъ проводить теплоту. Вещество, хорошо проводящее теплоту, легко похищаетъ ее у даннаго тѣла, но за - то также легко отдаетъ ее назадъ, и если мы выберемъ такое вещество для одежды, то она естественно будетъ прохлаждать, поглощая теплоту тѣла и уступая ее внѣшнему воздуху. Самый дурной проводникъ теплорода шерсть, за нею слѣдуетъ шелкъ; оба представляютъ собою болѣе согрѣвающiя вещества; и шерсть къ тому еще обладаетъ этимъ свойствомъ въ высшей степени, потому что она вдобавокъ раздражаетъ кожу и, возбуждая усиленный приливъ крови, привлекаетъ наружу внутреннюю теплоту, чего шелкъ не дѣлаетъ.

Наконецъ, не мѣшаетъ упомянуть еще о томъ, какъ важенъ цвѣтъ матерiй, именно въ отношенiи ихъ согрѣвающей способности. Всѣмъ извѣстно изъ ежедневнаго опыта, что черный цвѣтъ легко поглощаетъ и такъ - же легко лучеиспускаетъ теплородъ, межъ тѣмъ какъ бѣлый цвѣтъ обладаетъ обѣими спо-

собностями въ наименьшей мѣрѣ. Но другія цвѣта тоже представляютъ подобныя различія, такъ-что синій ближе всего подходитъ къ черному, а желтый къ бѣлому. Поэтому далеко не все равно, какой цвѣтъ мы ни выбирали бы особенно для верхняго платья. Уже сама природа научаетъ насъ дѣлать различіе. Въ жаркихъ странахъ мы встрѣчаемся преимущественно съ цвѣтными человѣческими расами, въ холодныхъ съ бѣлыми, а на сѣверѣ даже зимній покровъ животныхъ бѣлѣетъ, чтобы лучеиспускать меньше теплорода, на лѣто же онъ становится темнѣе. Если теперь принять еще во вниманіе, что цвѣтъ имѣетъ значеніе не только относительно поглощенія теплорода, но также относительно воспринятія пахучихъ и заразительныхъ веществъ, то становится вполне понятнымъ, почему естественное чувство заставляеть насъ предпочитать бѣлыя ткани для исподняго платья, постельныхъ принадлежностей, перевязокъ. Потребность чистоплотности, которая такъ ясно выражается въ чистотѣ цвѣта, имѣетъ не одно лишь нравственное, но почти еще больше естественное основаніе. Бѣлая ткань — это покровъ невинности, чистаго жречества и также здоровья.

Наши нравы мало по малу вытѣснили бѣлый цвѣтъ. Черный цвѣтъ, первоначальный символъ духа тьмы, сдѣлался теперь цвѣтомъ приличія, торжественности, хорошаго тона: основательно ли это въ сущности. Много кое-чего можно бы сказать въ отвѣтъ на такой вопросъ. Ближайшее къ тому основаніе очевидно заключается въ большой дешевизмѣ. Въ наши дни все рѣшается цѣнностью, а во всякомъ случаѣ дешевле носить одежду, на которой не такъ легко замѣтить выступившее тамъ и сямъ пятнышко. Всюду жалуются на возрастающую расточительность, а все-таки цѣна устанавливаетъ моду, и притомъ еще не высокая цѣна, а дешевая. Однѣ только бѣлыя перчатки и бѣлые галс-

тухи остались намъ еще отъ добраго стараго обычая, однако здѣсь также чувствуется уже напоръ болѣе дешевой моды. Но, страннымъ образомъ, такъ же борьба изъ-за цвѣтовъ преимущественно ведется между самими тканями. Гдѣ господствуетъ шерсть, тамъ всюду почти рѣшительная побѣда одержана чернымъ или синимъ цвѣтомъ. Гдѣ же крѣпко еще держится ленъ, тамъ поле остается пока за бѣлымъ цвѣтомъ. Хлопокъ сопровождаютъ яркіе цвѣта, за шелкомъ идутъ темные, или, выражаясь другими словами, растительныя вещества внушаютъ склонность къ свѣту, животныя развиваютъ вкусъ къ мрачному.

Мы не хотимъ ухватиться за это явленіе для нравоучительной проповѣди; мы не желаемъ также изрекать разныя пророчества. Но мы надѣемся, что сознаніе о цѣлесообразномъ, о полезномъ для человѣческаго тѣла проложить себѣ болѣе широкую дорогу, и что это цѣлесообразное за-тѣмъ найдетъ себѣ также то прекрасное выраженіе, благодаря которому все полезное становится въ глазахъ нашихъ вмѣстѣ и пріятнымъ. Однако ни полезное, ни прекрасное не считаются всѣми одинаково полезнымъ или прекраснымъ, и задача разумаго познанія можетъ заключаться только въ томъ, что-бы отдѣльная личность освободилась изъ-подъ ига моды и выбирала для своего платья такія матеріи, которыя больше всего соотвѣтствуютъ ея особенностямъ. Главную цѣлью должно быть не *мундирное однообразіе*, но возможная *разнохарактерность* и надо надѣяться, что настоящее затруднительное положеніе хлопка во многомъ способствуетъ достиженію такой цѣли. Чѣмъ дороже становится хлопокъ, тѣмъ прибыльнѣе воздѣлывать ленъ, и можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, наша туземная льняная промышленность снова попадетъ въ прежній почетъ.